

БОГОСЛОВИЕ И ФИЛОСОФИЯ

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ Г. У. ФОН БАЛЬТАЗАРА: ТРИНИТАРНЫЙ АСПЕКТ

Александр Александрович Солонченко

кандидат богословия
старший преподаватель кафедры богословия
Московской духовной академии
141300, Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра, Академия
solonchenko81@yandex.ru

Для цитирования: Солонченко А. А. Эсхатологическая концепция Г. У. фон Бальтазара: тринитарный аспект // Богословский вестник. 2023. № 1 (48). С. 45–60. DOI: 10.31802/GV.2023.48.1.003

Аннотация

УДК 27-175 (272) (2-335)

В статье исследуется тринитарный аспект эсхатологической концепции Г. У. фон Бальтазара. Автор применяет «синхронический» подход к предмету исследования. В первой части статьи автор выявляет методологические особенности эсхатологической концепции Бальтазара, её геоцентричность и таинственность, а также особенности её описания, использование иносказаний и аналогий. Во второй части описываются тринитарные основания концепции. Далее автор приводит интерпретацию Бальтазара учения о сошествии Христа в ад, как солидарности с мёртвыми, и констатирует её отличие от существующей богословской традиции. В следующей части статьи анализируется следствие тринитарного подхода Бальтазара к эсхатологии. Автор утверждает, что для Бальтазара все домостроительные действия Христа являются событиями, имеющими тринитарный аспект, и это сказывается на его понимании смерти, посмертного суда, ада и рая. Бальтазар понимает их не как реальности, характер которых сложился «до того, как» Христос соприкоснулся с ними, а как реальности, характер которых определяется именно их контактом со Христом. Также в статье описывается представление Бальтазара о соотношении Божественного бытия и страданий.

Ключевые слова: Бальтазар, эсхатология, современное богословие, Бог, Христос, теодицея, Бог и страдание, сошествие в ад, солидарность с мёртвыми.

Eschatological Concept of H. U. von Balthasar: The Trinitarian Aspect

Alexander A. Solonchenko

PhD in Theology

Senior Lecturer at the Department of Theology at the Moscow Theological Academy

Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad, 141300, Russia

solonchenko81@yandex.ru

For citation: Solonchenko, Alexander A. "Eschatological Concept of H. U. von Balthasar: The Trinitarian Aspect". *Theological Herald*, no. 1 (48), 2023, pp. 45–60 (in Russian). DOI: 10.31802/GB.2023.48.1.003

Abstract. The article examines the trinitarian aspect of the eschatological concept of H. U. von Balthasar. The author applies a «synchronistic» approach to the subject of research. In the first part of the article, the author reveals the methodological features of Balthasar's eschatological concept: its theocentricity and mystery; as well as the features of its description: the use of allegories and analogies. The second part describes its trinitarian foundations. Further, the author cites Balthasar's interpretation of the doctrine of the descent of Christ into hell as solidarity with the dead, and states its difference from the existing theological tradition. The next part of the article analyzes the implications of Balthasar's trinitarian approach to eschatology. The author argues that for Balthasar all the dispensational actions of Christ are events that have a trinitarian aspect, and this affects his understanding of death, the posthumous judgment, hell and Heaven. Balthasar understands these things not as realities whose character was formed «before» Christ came into contact with them, but as realities whose character is determined precisely by their contact with Christ. The article also describes Balthasar's idea of the correlation between Divine existence and suffering.

Keywords: Balthasar, Eschatology, modern theology, God, Christ, theodicy, God and suffering, descent into hell, solidarity with the dead.

Введение

Ганс Урс фон Бальтазар (1905–1988 гг.) — швейцарский католический мыслитель, одна из самых ярких и значительных фигур западного богословия XX в. Его влияние простирается далеко за пределы католического богословия, ощущается в работах многих, в том числе современных православных, мыслителей: Д. Б. Харта, Д. Мануссакиса, А. С. Филоненко, О. Б. Давыдова и др.

Эсхатология является самой новаторской и самой противоречивой темой в богословии Бальтазара¹. В западном богословском мире её обсуждают уже не одно десятилетие², тогда как в русскоязычной науке эта тема практически не освещена.

Эсхатология — это альфа и омега всего творчества Бальтазара. С неё он начинает научно-богословскую деятельность³ и ею заканчивает⁴. К этой теме он вновь и вновь возвращается на протяжении всей своей жизни. Наброски своей эсхатологической концепции Бальтазар делает в статьях «Эсхатология» (1957 г.), «Эсхатология. Богословие последних вещей» (1959 г.), «Вера и ожидание» (1965 г.), «Библия и Конец Света» (1966 г.), «Контурсы эсхатологии» (1974 г.), «О христианском богословии надежды» (1981 г.)⁵. Первую попытку «системного» изложения эсхатологии Бальтазар осуществляет

- 1 *Wainwright G. Eschatology // The Cambridge Companion to Hans Urs Von Balthasar / ed. E. T. Oakes, D. Moss. Cambridge, 2004. P. 113.*
- 2 См., например: *Wallner K. Gott als Eschaton: Trinitarische Dramatik als Voraussetzung göttlicher Universalität bei Hans Urs von Balthasar. Vienna, 1992. S. 425; Bieler M. The Future of the Philosophy of Being // Communio: International Catholic Review. 1999. Vol. 26. P. 455–485; Wainwright G. Eschatology // The Cambridge Companion to Hans Urs von Balthasar / ed. E. T. Oakes, D. Moss. Cambridge, 2004. P. 113–127; Healy N. J. The Eschatology of Hans Urs von Balthasar: Being as Communion. New York (N. Y.), 2005. и др.*
- 3 Эсхатологии посвящена первая крупная работа (опубликована в 1930 г.) Бальтазара — его докторская диссертация «История эсхатологической проблематики в современной немецкой литературе» (*Balthasar H. U., von. Geschichte des eschatologischen Problems in der modernen deutschen Literatur. Zürich, 1930*). Позже он переработал её в трёхтомное исследование «Апокалипсис немецкой души» (*Idem. Apokalypse der deutschen Seele: Studien zu einer Lehre von letzten Haltungen: in 3 Bde. Einsiedeln, 31998*).
- 4 Одна из последних публичных лекций Бальтазара, прочитанная в апреле 1988 г. в Трирском университете, была посвящена теме апокатастасиса. (*Wainwright G. Eschatology. P. 113*.)
- 5 *Balthasar H. U., von. Eschatologie // Fragen der Theologie heute. Einsiedeln, 1957. S. 403–421; Eschatologie. Die Theologie der Letzten Dinge // Theologie Heute. Vierzehn Vorträge aus der Sicht der beiden Konfessionen. München, 1959. S. 131–140; Glaube und Naherwartung // Zuerst Gottes Reich. Zwei Skizzen zur biblischen Naherwartung. Einsiedeln, 1966. (Theologische Meditationen); Bibel und Endzeit // Zuerst Gottes Reich. Einsiedeln, 1966. (Theologische Meditationen); Eschatologie im Umriß // Pneuma und Institution. Einsiedeln,*

в «Пасхальной тайне», а наиболее полному изложению этой темы он посвящает вторую часть своей трилогии — «Теодраму», особенно её четвёртый и пятый тома. После выхода «Теодрамы» эсхатология Бальтазара подверглась критике, на которую он дал ответ в двух полемических работах: «На что мы можем надеяться?» (1986 г.) и «Краткий разговор об аде» (1987 г.)⁶.

К исследованию эсхатологической концепции Бальтазара может быть применён как синхронический, так и диахронический подход. Первый предполагает исследовать её в синхронном срезе настоящего времени, то есть как завершённую в своём развитии систему взглядов, второй — изучение эсхатологических идей Бальтазара в порядке исторической последовательности их формирования. Хотя диахронический подход к исследованию этой темы представляется достаточно перспективным и важным, в данной статье будет применён синхронический подход.

1. Теоцентричность и таинственность эсхатологии

Методологическими особенностями построения эсхатологической концепции Бальтазара можно назвать её теоцентричность и таинственность. Эсхатология — это учение о последних временах и конечной судьбе мира. В христианской традиции эсхатология неразрывно связана с учением о Боге и домостроительстве Христа. В центре эсхатологии, как пишет Бальтазар, решение Бога «приютить сотворённый Им мир с человеком в его центре в Его собственной бесконечной внутренней жизни на “конце” мира»⁷. Бог — это Альфа и Омега мира, начало и конец или «“последнее” твари»⁸, поэтому христианская эсхатология должна быть «теоцентричной», «тринитарной» эсхатологией⁹.

Бальтазар противопоставляет теоцентричную эсхатологию антропоцентричной. Теоцентричная эсхатология предполагает не игнорирование

1974; Zu einer christlicher Theologie der Hoffnung // Münchener Theologische Zeitschrift. 1981. Bd. 32. S. 81–102.

6 Balthasar H. U., von. Was dürfen wir hoffen? Einsiedeln, 1986; *Idem*. Kleiner Diskurs über die Hölle. Ostfildern, 1987. Оба эссе в английском переводе опубликованы в: *Idem*. Dare We Hope «That All Men be Saved?» With a Short Discourse on Hell / trans. D. Kipp, L. Krauth. San Francisco (Ca.), 1988.

7 Balthasar H. U., von. Explorations in Theology. T. IV: Spirit and Institution / trans. E. T. Oakes. San Francisco (Ca.), 1995. P. 457.

8 Balthasar H. U., von. Explorations in Theology. T. I: The Word Made Flesh. San Francisco (Ca.), 1989. P. 260.

9 Balthasar H. U., von. Theodrama: Theological Dramatic Theory. Vol. V: The Last Act / trans. G. Harrison. San Francisco (Ca.), 1998. P. 57.

«антропологического эсхатона — смерти, суда и конечной судьбы человека», а изменение точки зрения на эсхатон таким образом, чтобы всё перечисленное рассматривалось как происходящее «внутри» личности и миссии Христа и в конечном счёте «внутри» Святой Троицы. Таким образом, смерть, суд, воскресение, рай, ад и т. д. в теоцентричной эсхатологии рассматриваются в первую очередь как христологические и тринитарные события¹⁰.

Теоцентричность эсхатологии делает её таинственной и невыразимой. Центральное событие или, как говорит Бальтазар, «сцена» Божественного домостроительства — это Крест. «Вся мировая драма Бога, — пишет Бальтазар, — сосредоточена на этой сцене и вращается вокруг неё»¹¹. Крестные страдания Христа, Его смерть, сошествие в ад и т. д. — всё это невыразимая тайна, которая бросает вызов и выходит за рамки любого человеческого представления. Она превосходит любые объяснения и концепции, она «взрывает» все системы¹². И хотя мы можем и даже должны говорить об этой тайне, необходимо помнить, что все наши интерпретации всегда останутся условными, неадекватными и уязвимыми для критики теологуменами¹³. Таким образом, для Бальтазара эсхатология — не загадка, которую нужно и возможно разгадать, а тайна, которая просит благоговейного созерцания¹⁴ и созерцается только в тринитарной перспективе. Таинственность и невыразимость эсхатологии определяет её язык: Бальтазар говорит параболически, иносказательно, прибегая к аналогиям¹⁵.

2. Тринитарные основания эсхатологии

Определяющими для всего богословского проекта Бальтазара являются слова: «*Бог есть любовь*» (1 Ин. 4, 8). Учение о Боге, бытие Которого есть Любовь, неразрывно связано с учением о троичности Его бытия: бытие Отца, Сына и Святого Духа есть любовь. Внутритроичную любовь Бальтазар описывает следующим образом. Бытие Отца есть рождение Сына, то есть свободное отречение от «бытия-для-себя», кенозис, абсолютное

10 Healy N. J. The Eschatology of Hans Urs von Balthasar: Being as Communion. P. 16.

11 Balthasar H. U., von. Theodrama: Theological Dramatic Theory. Vol. IV: The Action / trans. G. Harrison. San Francisco (Ca.), 1994. P. 318.

12 Ibid. P. 319.

13 Ibid. P. 237.

14 Ibid. P. 229.

15 Balthasar H. U., von. Explorations in Theology. T. IV. P. 457.

самоумаление ради предоставления «пространства» бытию Сына, полное самоопустошение и самообезбоживание ради дарования Своего бытия, Своей Божественности Сыну¹⁶. Бытие Сына есть свободное принятие дара бытия от Отца. В то же время бытие Сына есть не только «пассивное» принятие дара бытия от Отца, но одновременно — благодарение, «активный» свободный отказ от «бытия-для-себя», самоопустошение, самообезбоживание, самодарование Себя Отцу. Соответственно, бытие Отца есть не только одаривание бытием Сына, но и благодарное принятие ответного дара любви Сына. Святой Дух есть «одновременно и акт взаимной любви между Отцом и Сыном, и плод этого акта», осознанный союз взаимности и любви Отца и Сына¹⁷. Он исходит от Отца и Сына как Их общее «Мы», утверждает одновременно Их бесконечное различие и вечное единство¹⁸. Таким образом, Божественное бытие есть дар любви Отца Сыну в Святом Духе и возвращение этого дара от Сына к Отцу в Святом Духе¹⁹.

В свете такого представления о внутритроичном бытии Бальтазар выстраивает все остальные области своей богословской концепции, в том числе эсхатологию. Мир как творение Бога-Любви есть проявление внутритроичной любви «вовне». Если внутритроичная Божественная любовь для Бальтазара есть кенозис, самоумаление каждого Лица Святой Троицы ради дарования бытия двум другим Лицам, то Божественная любовь, направленная «вовне», есть кенозис, самоумаление Творца (всей Троицы) ради дарования бытия творению. То есть творение мира связано с добровольным кенозисом, самоопустошением Бога, «обезбоживанием», освобождением «пространства» для творения (до творения мира, кроме Бога, «вне» Бога ничего не существовало).

Цель творения — сделать творение причастным Божественному бытию, как бы вобрать «внешнее» по отношению к Богу творение «вовнутрь» Божественной любви, добровольное «обезбоживание» (уступание «места» творению) Бога ради будущего добровольного обоживания творения. Он пишет:

16 *Balthasar H. U., von. Explorations in Theology. T. IV. P. 323–324.*

17 *Balthasar H. U., von. TheoLogic: Vol. III: The Spirit of Truth / trans. G. Harrison. San Francisco (Ca.), 2005. P. 243.*

18 *Balthasar H. U., von. Theodrama: Vol. IV. P. 323–324.*

19 Подробнее о тринитарной концепции Бальтазара см.: *Williams R. Balthasar and the Trinity // The Cambridge Companion to Hans Urs von Balthasar / ed. E. T. Oakes, D. Moss. Cambridge, 2004. P. 37–50; Солонченко А. А. Тринитарные концепции Г. У. фон Бальтазара и Д. Харта: сходства и различия // БВ. 2021. № 1 (40). С. 75–93.*

«Пришествие Христа означает лишь историческое завершение сверхъестественного порядка внутри творения, который был запланирован уже с самого начала и, таким образом, фактически уже был инициирован. И если этот порядок восторжествует в конце — в конце истории вообще и в конце каждой отдельной человеческой жизни, то в конце концов в этой Омеге раскроется та Альфа, ради которой <...> мир и был сотворён»²⁰.

Итак, конечная цель бытия мира — соучастие творения в Божественном бытии-любви, когда Бог будет *всё во всём* (1 Кор. 15, 28).

Так как Бог есть Любовь, а любовь призывает, но не принуждает, то конечная цель мира — соучастие в Божественном бытии-любви — есть призыв, от которого можно отказаться, на который творение может ответить «нет». Человек, как высшее творение, наделён Богом свободой. С одной стороны, эта человеческая свобода существует только потому, что в её основе лежит Божественная свобода: бесконечная свобода «обеспечивает» конечную; конечная свобода существует как бы «внутри» бесконечной, когда бесконечная свобода ограничивает себя. С другой стороны, Бог, даруя человеку свободу, в некотором смысле «связывает» Себя, ограничивает Свою свободу: всемогущество Божественной любви становится бессильным нарушить конечную свободу. Создание конечной свободы предполагает «риск» со стороны Бога, ибо конечная свобода может восстать против своей основы. Это и происходит в событии грехопадения.

С точки зрения эсхатологии грехопадение привело к тому, что человек отказался от общения с Богом, стал глух к Божественному призыву, отрёкся от своего истинного призвания, больше не предавал себя и мир в любящие «руки» Творца²¹. «Движение» мира к обожению (когда Бог будет всё во всём) прекратилось, начался обратный процесс — процесс отчуждения и богооставленности. «Положительное безбожие» акта творения (дарование бытия тому, что Богом не является) становится «отрицательным безбожием» (творение отчуждает себя от Бога), дистанция различия становится дистанцией разделения²², поэтому осуществление конечной цели мира предполагало домостроительные действия Бога. Во Христе Бог осуществил Свой план, задуманный ещё

20 Balthasar H. U., von. Explorations in Theology. T. IV. P. 423.

21 McIntosh M. A. Christology // The Cambridge Companion to Hans Urs von Balthasar / ed. E. T. Oakes, D. Moss. Cambridge, 2004. P. 24–36. P. 35.

22 Подробнее о «дистанции» в богословии Бальтазара см. первую часть статьи: Солонченко А. А. «Дистанция» в богословии Ж.-Л. Мариона // БВ. 2022. № 2 (45). С. 88–89.

до основания мира. И здесь становится очевидным ещё одно свойство эсхатологии Бальтазара — её христоцентричность.

В Воплощении Сын воспринимает в Свою Ипостась человеческую природу, «абсолютная свобода входит в сотворённую свободу, взаимодействует с сотворённой свободой и действует как сотворённая свобода»²³. Бог (Сын), став тварью, как бы «изнутри» (а значит, не нарушая конечную свободу) возвращает конечной свободе её основание и через Крест свободно возвращает творение в «руки» Отца.

Форма Креста, который простирается на все четыре стороны света, означает солидарность Христа с миром: Своими распротёртыми руками Он обнимает всю вселенную²⁴. На Кресте Сын претерпевает горькую участь отрёкшегося от Бога человечества до самого её конца, т. е. до смерти и ада; и в самом принятии нашего греховного состояния отчуждения от Бога, будучи Богом, преодолевает дистанцию между грешником и Богом и «создаёт близость» человечества с Богом²⁵. Другими словами, в этом Сыновнем объятии Христос воспринял «внутри» Себя всю тьму греховного состояния безбожия, и таким образом «отчуждение греховного “нет”» было «настигнуто и охвачено...божественным “да”»²⁶.

Для Бальтазара страдания Сына не стоят отдельно от других земных страданий и не противопоставляются им, но есть солидарность, сочувствие и соучастие, охватывающие собой все страдания мира: «боль всех ран, стенания всех немощных, воздыхания всех скорбящих, слёзы всех плачущих, обиды всех угнетённых»²⁷. Солидарность Сына с грешниками распространяется не только на живых, но и на мёртвых. И здесь на первый план выходит важнейшая и неотъемлемая часть эсхатологии Бальтазара — тема сошествия Христа в ад.

23 *Balthasar H.U., von. Theodrama: Vol. IV. P. 318.*

24 *Бальтазар Г. У., фон. Пасхальная тайна. Богословие трёх дней / пер. с нем. Москва, 2006. (Серия «Современное богословие»). С. 112–113.*

25 *Schumacher M. The Concept of Representation in the Theology of Hans Urs Balthasar // Theological Studies. 1999. Vol. 60. № 1 (February). P. 59.*

26 *Balthasar H. U., von. Theodrama: Vol. IV. P. 349–350.*

27 *Ibid. Vol. V. P. 456.*

3. Сошествие в ад, или солидарность с мёртвыми

Можно сказать, Бальтазар деконструирует²⁸ учение о схождении Христа в ад, существующее в богословской традиции (как западной, так и восточной), и предлагает его новое осмысление. Бальтазар выступает против любой интерпретации события сошествия Христа в ад, где Христос описывается по аналогии с царём или воином, который с триумфом входит в преисподнюю, сокрушает её врата, пленит дьявола и выводит праведников. Если Сын в Своём Воплощении действительно стал солидарен с нами, то и в смерти Он должен сохранять эту солидарность, а значит, претерпеть в смерти то, что претерпевали все ветхозаветные люди:

«Бытие с неискуплённо-мёртвыми означает солидарность в ветхозаветном шеоле, относящуюся ко всеобъемлющему состоянию грешника перед Богом»²⁹.

Но что означает это «бытие с неискуплённо-мёртвыми»? Опираясь на тексты Ветхого Завета, он приходит к выводу, что «неискуплённо-мёртвый» безжизнен, бессилён, бездействен и, прежде всего, не имеет связи с Богом, а значит, и с ближними. Он делает заключение:

«В шеоле, в преисподней царит только тьма совершенного одиночества... Если Иисус претерпел на Кресте грех мира до самой последней истины этого греха, а именно — богооставленности, то Он должен испытать, в солидарности с грешниками, отправившимися в преисподнюю, их — в конечном счёте безнадежное — отделение от Бога; иначе Он не знал бы всех стадий и состояний того, что значит для человека быть неискуплённым, но ожидающим Искупления»³⁰.

Таким образом, Сын, став человеком, умер как человек и претерпел все лишения смерти как человек, поэтому для Бальтазара сошествие

28 Сам Бальтазар, конечно же, не использует этого слова, он называет этот процесс переосмыслением, но его описание того, как это переосмысление должно происходить очень близко к описанию того, что в современной литературе называют деконструкцией. Он пишет: «Необходимо не только ценностно классифицировать её [богословской традиции. — А. С.] положения, но тем или иным образом полностью расчлнить, чтобы собрать их вновь; некоторые моменты обязательно отступят на второй план (так, например, мифическое изображение активной борьбы в аду), другие же, особенно сотериологические, основания, исключённые современной догматикой ради достижения жёсткой систематики, необходимо осветить вновь» (*Бальтазар Г. У., фон. Пасхальная тайна. Богословие трех дней.* С. 137).

29 Там же. С.138.

30 *Balthasar H. U., von. Explorations in Theology.* Т. IV. P. 408.

Христа в ад — это солидарность с мёртвыми, то есть не «активное» триумфальное шествие, а «пассивное» претерпевание состояния богооставленности, смерти и абсолютного одиночества.

Так как Христос не только истинный человек, но и истинный Бог, то

«переживание бездны, которое Он претерпевает, находится как полностью в Нём (поскольку Он познаёт в Себе полную меру отчуждения мёртвого грешника от Бога), так и одновременно полностью вне Его, потому что то, что Он переживает, совершенно чуждо Ему (как вечному Сыну Отца)», в этом состоянии Он, оставаясь С собой, «Сам полностью отчуждён от Самого Себя»³¹.

Бальтазар утверждает, что самоотчуждение Христа, как и Его оставление Отцом, возможно только в том случае, если «условия» для этого исходят из внутритроичного бытия, лежат в абсолютной дистанции (как различии) между Ипостасью, «отдающей» Божество, и Ипостасью, «принимающей» Его. Самоопустошение Христа происходит в силу Его послушания в любви к Отцу и выражает во времени вечные внутритроичные отношения. Он пишет:

«Подчинение человеческой воли Иисуса Христа воле Его Отца раскрывает отношение безграничной любви Сына к Отцу внутри Божества, которое, конечно, может иметь место только из-за предшествующей отдачи Отца Сыну и из-за того, что Дух есть это даяние между Ними»³².

Итак, в событии Страстной Субботы Христос как истинный Бог добровольно претерпевает предельное самоумаление, крайнее самоопустошение: абсолютная Жизнь соприкасается со смертью, Бог погружается в состояние богооставленности, тем самым «вбирает» их в Себя. Это событие Бальтазар также с неумолимой решимостью включает в тринитарный контекст. Схождение в ад богооставленности и Его последующие Воскресение и Вознесение дают Христу, как говорит Бальтазар, возможность «представить Отцу, в Своём Лице, грех мира, который был [Им] изъят»³³. «Мировая тьма» и бездна преисподней охватывается Богом, «берётся во внутренний свет Троицы» и опалается огнём Божественной любви. Дистанция греха вбирается в дистанцию между Отцом и Сыном, поглощается и преобразовывается любящей благодатью Святой Троицы.

31 *Balthasar H. U., von. Explorations in Theology. T. IV. P. 409.*

32 *Ibid. P. 440.*

33 *Balthasar H. U., von. Theodrama: Vol. V. P. 314–315.*

4. Следствие тринитарного подхода к эсхатологии

Все домостроительные действия Христа, включая Его смерть и сошествие в ад, являются для Бальтазара событиями, имеющими тринитарный характер. А так как тринитарное бытие для него есть не только самоотдача, но и благодарное принятие, то и события Страстной Субботы есть не только «предельная крайность *exinanitio* [самоопустошения]», но одновременно и «начало *gloria* [славы] ещё до Воскресения»³⁴; не только глубочайшее погружение во тьму, но одновременно и высшая точка исполнения Христом Его Миссии³⁵. Последствия этого события, то, как оно отразилось на «последних вещах» (смерть, суд, рай, ад) можно назвать «сияющей стороной Креста»³⁶. И здесь Бальтазар опять вводит новизну, даёт «последним вещам» новое осмысление. Он предлагает рассматривать смерть, суд, ад и рай не как реальности, характер которых уже сложился «до того, как» Христос соприкоснулся с ними, а как реальности, характер которых определяется именно контактом с ними Христа³⁷.

Так, именно смерть Христа определяет эсхатологическое значение смерти каждого человека. Н. Хили объясняет это так: Христос, умирая смертью «грешника», покинутого Отцом, «включает в Свою личность всякую другую смерть», поэтому смерть больше не является «нейтральным», «независимым от смерти Христа» событием³⁸. Более того, по причине того, что Своей смертью Христос объял нашу смерть, «граница смерти, установленная нашей тварностью (в её греховном и порочном состоянии), уже изнутри приняла благодатное, тринитарное качество»³⁹.

Страшный Суд в этой перспективе обретает иное осмысление, является выражением спасительной тринитарной любви. «Новозаветная концепция “ада” возникает» только после Страстной Субботы. Ад не следует понимать как место наказания или проклятия, ад — это во многом «христологическое понятие <...> Христос становится Судьёй, Который измерил все грани человека в Своем Собственном опыте и теперь может

34 Balthasar H. U., von. *Explorations in Theology*. T. I: *The Word Made Flesh*. San Francisco (Ca.), 1989. P. 263–264.

35 Quash B. *The Theo-Drama // The Cambridge Companion to Hans Urs Von Balthasar* / ed. E. T. Oakes, D. Moss. Cambridge, 2004. P. 143–157. P. 154.

36 Balthasar H. U., von. *Theodrama*. Vol. IV. P. 238.

37 Healy N.J. *The Eschatology of Hans Urs von Balthasar: Being as Communion*. P. 204.

38 Ibid.

39 Balthasar H. U., von. *Explorations in Theology*. T. IV. P. 438.

назначить каждому его эсхатологическую участь»⁴⁰. Ад становится неизбежной судьбой человека, который «признал спасительное деяние Бога, но сознательно отверг его»⁴¹.

Однако сама «природа» ада после контакта с ним Христа становится иной. Если до Страстной Субботы ад был местом или, точнее сказать, состоянием совершенного одиночества и богооставленности, то с того момента, как Христос в Своей солидарности с мёртвыми «вбирает» его в Себя, он становится «местом», где присутствует Бог. Грешник, который избрал ад, тотальное одиночество жизни-только-для-себя и пытается доказать свою абсолютную противоположность по отношению к Богу, «сталкивается с фигурой Кого-то ещё “более абсолютно” заброшенного, чем он сам»⁴². В этой встрече тому, «кто отвернулся от Бога, становится ясно, что Тот, Кто рядом со мной, был оставлен Богом (как и я сам) и был оставлен Богом ради меня»⁴³. Здесь, как считает Бальтазар, не может быть и речи о насилии над свободой и о принуждении. Человек, который избрал тотальную изоляцию, находит, что Бог является ему, в самой его изоляции, как Тот, Кто ещё более изолирован ради него и его выбора; как Тот, Кто Своей большей изоляцией обеспечил ему возможность для его свободного выбора самоизоляции. Как пишет Н. Хили, «Христос не оставляет тех, кто покидает Его, но сопровождает их в их заброшенности. Таким образом, в то время как грешник свободен отвергнуть предложенную Богом любовь, Бог во Христе свободен сопровождать грешника в его отвержении и покинутости»⁴⁴.

Благодаря событию Страстной Субботы возникает и рай. И это для Бальтазара не место, где праведники за свои заслуги перед Богом получают награду, а состояние причастия человека к жизни и любви Троицкого Бога. Божественная любовь есть самоотречение, а её предельное домостроительное выражение — это полное дарование Себя в Евхаристии. Стать причастником этой Любви значит стать соучастником самодарения, то есть не только принять в Святом Духе этот евхаристический Дар, но и через самоотречение в Святом Духе одарить любовью весь мир. Итак, участие человека в вечной жизни Троицкого Бога «начинается уже в сфере жизни временной»⁴⁵, так

40 *Balthasar H. U., von. The Glory of the Lord. Vol. VII: Theology: The New Covenant / trans. B. McNeil. Edinburgh; San Francisco (Ca.), 1989. P. 233–234.*

41 *Ibid.*

42 *Balthasar H. U., von. Theodrama. Vol. V. P. 312.*

43 *Ibid.*

44 *Healy N. J. The Eschatology of Hans Urs von Balthasar: Being as Communion. P. 207.*

45 *Balthasar H. U., von. Explorations in Theology. T. IV. P. 439.*

что «сама сущность вечной жизни [человека. — А. С.] уже осуществляется в [его. — А. С.] смертной жизни»⁴⁶. После всеобщего воскресения это соучастие творения в жизни Бога реализуется во всей полноте, так что Бог будет *всё во всём*.

5. Бог и страдания

Если Христос солидарен с человеком в его страданиях, то может возникнуть вопрос: есть ли место для страданий в Самом Боге? Бальтазар говорит, что вопрос соотношения Бога и страданий — это тайна, описать которую можно только апофатически, через два отрицания. С одной стороны, ошибается тот, кто думает, что Божественное бытие обретает драматичность только проходя через сотворённый мир и Крест. Такое мнение базируется на преувеличенном самомнении со стороны тварной свободы, которая впала в иллюзию, будто способность человека сказать Богу «нет» реально ограничивает божественное всемогущество, будто отрицательный ответ человека вынуждает Бога на соучастие в мировой драме и заставляет Его (ради достижения конечной цели творения) взойти на Крест. Наоборот, говорит Бальтазар, именно драма «самоопустошения» Отца в рождении Сына заключает в себе и превосходит всякую возможную драму между Богом и миром. Всё временное происходит как бы в объятиях вечного действия и как его следствие. Предвечный внутритроичный кенозис делает возможными все другие кенотические движения Бога в мир; они просто его последствия⁴⁷.

С другой стороны, ошибается тот, кто думает, что «драма» внутритроичной любви, Божественное бытие само по себе «трагично» и страдательно. В вечном бытии Святой Троицы нет страданий, так как самоопустошение Отца в рождении Сына тождественно благодарной взаимной самоотдаче Сына.

Таким образом, ответ Бальтазара на вопрос, есть ли в Боге страдание, будет такой: в Боге нет страдания, но есть «то», что может «перерасти» в страдание. Страдание возникает тогда, когда тотальное самоотречение, с которым Бог дарует Себя, сталкивается со свободой, которая вместо того, чтобы ответить таким же образом, использует этот дар ради бытия-для-себя. Солидарность Бога страданиям человека не предполагает, что Бог по природе вовлечён в мировой процесс

46 Balthasar H. U., von. Explorations in Theology. T. IV. P. 440.

47 Idem. Theodrama. Vol. IV. P. 331.

(как, например, у Гегеля); как и не предполагает, что Бог абстрагирован от драмы мировой истории, от страданий, боли и смерти, как бы взирая на них с высоты Своего Престола. Божественная солидарность означает, что Бог в свободном акте любви принимает на Себя все трагические последствия злоупотребления свободой, дарованной Им человеку, и реально участвует (в Лице Сына) в страданиях мира.

Заключение

В центре всей богословской системы Бальтазара лежит учение о Святой Троице, бытие Которой есть Любовь: самодарение Отца Сыну в Святом Духе и благодарное принятие Сыном дара Отца в Святом Духе. В прямой зависимости от этой тринитарной концепции выстраиваются остальные части его системы, в том числе и эсхатология, поэтому она обретает «теоцентричный», «тринитарный» характер. При таком подходе тварное бытие есть результат проявления во времени внутритроичного бытия-любви, а конечная цель творения — привлечение творения к соучастию в этом бытии-любви. Ради этой цели Отец «посылает» Сына в домостроительную миссию, в которой Сын проходит через Воплощение, Крест, смерть, сошествие в ад и в Своём Воскресении, и Вознесении «возвращается» к Отцу с объятим Им в Святом Духе творением. Развитие эсхатологии в триадологической перспективе приводит Бальтазара к новому осмыслению эсхатологических реальностей — смерти, суда, ада и рая. В концепции Бальтазара их «природа» определяется соприкосновением с ними Христа и «вбиранием» их «вовнутрь» Божественной любви.

Эсхатологическая концепция Бальтазара вызвала со стороны некоторых исследователей обвинение в апокатастасисе. Действительно, если миссия Христа состоит в том, чтобы вернуться к Отцу со всем, что было дано Ему Отцом, если Божественная любовь «вбирает» в себя всё творение, то не предполагает ли это всеобщего спасения? Ответ, который Бальтазар дал на эти вопросы и критику, будет предметом исследования следующей моей статьи.

Источники

Balthasar H. U., von. Apokalypse der deutschen Seele: Studien zu einer Lehre von letzten Haltungen. 3 vols. Einsiedeln: Johannes Verlag, ³1998.

- Balthasar H. U., von.* Dare We Hope «That All Men be Saved?» With a Short Discourse on Hell / trans. D. Kipp, L. Krauth. San Francisco (Ca.): Ignatius Press, 1988.
- Balthasar H. U., von.* Glaube und Naherwartung // Zuerst Gottes Reich. Zwei Skizzen zur biblischen Naherwartung. Einsiedeln: Benziger, 1966.
- Balthasar H. U., von.* The Glory of the Lord. Vol. VII: Theology: The New Covenant / trans. B. McNeil. Edinburgh; San Francisco (Ca.): T. and T. Clark; Ignatius Press, 1989.
- Balthasar H. U., von.* Eschatologie. Die Theologie der Letzten Dinge // Theologie Heute. Vierzehn Vorträge aus der Sicht der beiden Konfessionen. Munich: C. H. Beck, 1959. S. 131–140.
- Balthasar H. U., von.* Explorations in Theology. T. I: The Word Made Flesh. San Francisco (Ca.): Ignatius Press, 1989.
- Balthasar H. U., von.* Explorations in Theology. T. IV: Spirit and Institution / trans. E. T. Oakes. San Francisco (Ca.): Ignatius Press, 1995.
- Balthasar H. U., von.* Theodrama: Theological Dramatic Theory. Vol. IV: The Action / trans. G. Harrison. San Francisco (Ca.): Ignatius Press, 1994.
- Balthasar H. U., von.* Theodrama: Theological Dramatic Theory. Vol. V: The Last Act / trans. G. Harrison. San Francisco (Ca.): Ignatius Press, 1998.
- Balthasar H. U., von.* TheoLogic: Vol. III: The Spirit of Truth / trans. G. Harrison. San Francisco (Ca.): Ignatius Press, 2005.
- Balthasar H. U., von.* Zu einer christlicher Theologie der Hoffnung // Münchener Theologische Zeitschrift. 1981. Bd. 32. S. 81–102.
- Бальтазар Г. У., фон.* Пасхальная тайна. Богословие трех дней / пер. с нем. Москва: Библийско-богословский институт св. апостола Андрея, 2006. (Серия «Современное богословие»).

Литература

- Солонченко А. А.* Тринитарные концепции Г. У. фон Бальтазара и Д. Харта: сходства и различия // Богословский вестник. 2021. № 1 (40). С. 75–93.
- Солонченко А. А.* «Дистанция» в богословии Ж.-Л. Мариона // Богословский вестник. 2022. № 2 (45). С. 85–95.
- Bieler M.* The Future of the Philosophy of Being // *Communio: International Catholic Review*. 1999. Vol. 26. P. 455–485.
- Healy N. J.* The Eschatology of Hans Urs von Balthasar: Being as Communion. New York (N. Y.): Oxford University Press, 2005.
- McIntosh M. A.* Christology // *The Cambridge Companion to Hans Urs von Balthasar* / ed. E. T. Oakes, D. Moss. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 24–36.
- Quash B.* The Theo-Drama // *The Cambridge Companion to Hans Urs Von Balthasar* / ed. E. T. Oakes, D. Moss. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 143–157.
- Schumacher M.* The Concept of Representation in the Theology of Hans Urs Balthasar // *Theological Studies*. 1999. Vol. 60. № 1 (February). P. 53–71.

- Wainwright G.* Eschatology // *The Cambridge Companion to Hans Urs von Balthasar* / ed. E. T. Oakes, D. Moss. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 113–127.
- Wallner K.* Gott als Eschaton: Trinitarische Dramatik als Voraussetzung göttlicher Universalität bei Hans Urs von Balthasar. Vienna: Heiligenkreuz, 1992.
- Williams R.* Balthasar and the Trinity // *The Cambridge Companion to Hans Urs von Balthasar* / ed. E. T. Oakes, D. Moss. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 37–50.